

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

НЕОРТОДОКСАЛЬНАЯ

СКАНДАЛЬНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ
ОТ МОИХ ХАСИДСКИХ КОРНЕЙ

NETFLIX

ОРИГИНАЛЬНЫЙ
СЕРИАЛ NETFLIX

18+

ДЕБОРА ФЕЛЬДМАН

Дебора Фельдман

**Неортодоксальная.
Скандалное отречение
от моих хасидских корней**

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 82-94+296.67

Фельдман Д.

Неортодоксальная. Скандальное отречение от моих хасидских корней / Д. Фельдман — «Азбука-Аттикус», 2012

ISBN 978-5-389-19041-2

Дебора Фельдман выросла в ультраортодоксальной общине сатмарских хасидов в Бруклине, Нью-Йорк. Это самое строгое и консервативное направление современного иудаизма: в общине запрещено читать нерелигиозные книги, говорить на английском языке, носить современную одежду, пользоваться интернетом, получать светское образование, смотреть кино, посещать театр и библиотеку. Все сферы жизни членов общины (и женщин особенно) строго регламентированы религиозными предписаниями, законы светского государства почти не имеют значения. В 17 лет Дебору выдают замуж за мужчину, с которым она была знакома всего полчаса, — неудивительно, что брак не приносит счастья. Став в 19 лет матерью, Фельдман осознает, что теперь под угрозой не только ее будущее и свобода, и решается полностью изменить свою жизнь. Она строит план побега, постепенно расширяет свой мир — читает светскую литературу на английском, учится водить машину, поступает в университет — и в конце концов покидает общину. Сейчас Дебора Фельдман — писательница, вместе со своим сыном она живет в Берлине. Ее автобиография стала мировым бестселлером и легла в основу нашумевшего телесериала Netflix «Неортодоксальная» (Unorthodox). В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94+296.67

ISBN 978-5-389-19041-2

© Фельдман Д., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

От автора	9
Пролог	10
1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дебора Фельдман
Неортодоксальная
Скандальное отречение
от моих хасидских корней

Deborah Feldman

UNORTHODOX

The Scandalous Rejection of My Hasidic Roots

Перевод с английского Дины Ключаревой

© Deborah Feldman, 2012, 2020

© Ключарева Д., перевод на русский язык, 2020

© Netflix, 2020. Used with permission.

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

* * *

Ярко, трогательно и эмоционально... Нет сомнений, что девушки по всему Бруклину покупают эту книгу, прячут ее под матрасом, втайне читают по ночам и – возможно, впервые в жизни – обдумывают собственный побег.
HuffingtonPost.com

Фельдман позволяет нам проникнуть в мир замкнутый и репрессивный... Ее мемуары свежи, терпки и чрезвычайно увлекательны.
Library Journal

«Неортодоксальная» хороша до боли... В отличие от многих других авторов, поведавших о своем отказе от ортодоксального иудаизма, сердце Фельдман не ожесточено ненавистью, а дух ее ранен, но цел. Она чувствительная и талантливая писательница.
JewishJournal.com

Оторваться от «Неортодоксальной» невозможно. Она рассказывает уникальную историю взросления, которая вызывает личный отклик у каждого, кто хоть раз в жизни чувствовал себя аутсайдером.
School Library Journal

Эволюция Деборы Фельдман, равно как и ее взгляд внутрь закрытого сообщества, – залог увлекательного чтения... Ее талант рассказчика и острый глаз на детали дают читателям ощущение присутствия и сопричастности тому, каково это – быть другой, когда все остальные одинаковы.
Booklist

Потрясающая книга... Голос Фельдман находит отклик повсюду.
The Forward

Беспрецедентный взгляд на хасидское сообщество – то, что доступно мало кому из посторонних... «Неортодоксальная» напоминает нам, что в Соединенных Штатах существуют религиозные общины, которые ограничивают молодых женщин браком и материнством. Ожидается, что эти женщины будут послушны своей общине и религии любой ценой, без вопросов и жалоб.

Minneapolis Star Tribune

За лаконичным стилем Фельдман скрываются пронзительные откровения.
New York Times

Захватывающая... и необыкновенная история.
Marie Claire

В списке «10 книг, которые нужно прочесть прямо сейчас».
O magazine

Все имена и узнаваемые черты реальных фигурантов в этой книге были изменены. Все описанные события случились на самом деле, однако их пересказ был сокращен и уплотнен, а очередность некоторых изменена – ради безопасности упомянутых здесь людей и складного повествования. Все диалоги реальны и переданы настолько точно, насколько я смогла вспомнить.

От автора

Сату-Маре (или Сатмар на идише) – город на границе Венгрии и Румынии. Как же случилось так, что хасидская община носит название в честь трансильванского городка? Рудольф Кастнер, еврейский адвокат и журналист из Венгрии, во время Второй мировой войны взял на себя миссию спасти как можно больше евреев от верной смерти, и среди спасенных им оказался раввин из того городка. Этот раввин позже иммигрировал в Америку, собрал вокруг себя большую группу последователей из уцелевших евреев, основал хасидское течение и назвал его в честь своего родного города. Другие спасшиеся раввины последовали его примеру и тоже назвали собственные течения в честь городов, в которых родились, дабы сохранить память о штетлах¹ и общинах, стертых с лица земли во время холокоста.

В Америке хасиды быстро возродили оказавшиеся на грани исчезновения традиции предков – оделись в традиционные костюмы² и стали говорить исключительно на идише³. Многие демонстративно выступали против создания Государства Израиль, считая, что геноцид стал наказанием евреям за ассимиляцию с другими народами и сионизм⁴. Но в первую очередь хасиды сосредоточились на размножении, нацелившись заменить погибших евреев и восстановить численность в своих рядах. Хасидские общины и сейчас продолжают стремительно разрастаться – все для того, чтобы одержать окончательный реванш над Гитлером.

---

¹ Штетл – городок (*идиш*), еврейское местечко. Населенный пункт в Восточной Европе с большой долей еврейского населения. – *Здесь и далее прим. науч. ред.*

² Традиционный мужской костюм включает в себя черный лапсердак (долгополый сюртук), черную шляпу, у раввинов и уважаемых членов общины – меховая шапка *итрайм.л.* Одежда у хасидов разных направлений немного отличается, некоторые носят белые чулки, другие – черные брюки, различаются формы шляп. Одежда женщин должна быть закрытой: длинные юбки и блузки с длинным рукавом. И для мужчин, и для женщин внешний вид диктуется принципом *цицута*, скромности. Строгость этого принципа различается в зависимости от общины.

³ Идиш – язык восточноевропейских (ашкеназских) евреев, принадлежит к германской группе языков. Используется еврейский алфавит, письмо справа налево. Основной объем лексики германского происхождения, есть большой процент славянских слов, а также слов из иврита и арамейского.

⁴ Сионизм – общественно-политическое движение, приверженцы которого убеждены, что евреи должны жить в Израиле.

Пролог

Мне вот-вот исполнится двадцать четыре. Я беседую с матерью. Мы в вегетарианском ресторане на Манхэттене, который подает «органику» и продукты «только что с фермы», и вопреки моему недавнему увлечению свининой и морепродуктами я предвкушаю бесхитростную трапезу, которую обещает меню. Официант, который нас обслуживает, очевидно, гой⁵ – у него растрепанные светлые волосы и большие голубые глаза. Он обращается с нами как с королевскими особами, потому что мы в Верхнем Ист-Сайде⁶ и готовы отвалить сотню баксов за ужин, состоящий преимущественно из овощей. Думаю, есть своя ирония в том, что он не подозревает, что обе мы из другого мира, что он по умолчанию считает наше присутствие здесь нормой. Не думала я, что этот день настанет.

Перед встречей я предупредила маму, что у меня есть к ней вопросы. Несмотря на то что в последний год мы с ней общались больше, чем во все мои подростковые годы, я чаще всего избегала разговоров о прошлом. Наверное, я не хотела ничего знать. Возможно, мне не хотелось обнаружить, что рассказы о матери, которыми меня потчевали всю жизнь, – это ложь. Или наоборот – принять факт, что они правдивы. Но публикация истории моей жизни все же требует абсолютной честности – и не только от меня.

Ровно год назад я навсегда покинула хасидскую общину. Мне двадцать четыре, и у меня вся жизнь впереди. Будущее моего сына переполнено возможностями. У меня ощущение, что я успела точно к старту забега – как раз перед выстрелом. Глядя на мать, я понимаю, что какие-то сходства у нас, может, и есть, но различий куда больше. Она была старше, когда ушла из общины, и она не забрала меня с собой. Ее путь был скорее борьбой за уверенность в завтрашнем дне, чем поисками счастья. Наши мечты витают над нами словно облака: мои кажутся большими и пышными в сравнении с ее – тонкой рябью перистой дымки в зимнем небе.

Сколько себя помню, мне всегда хотелось брать от жизни все – все, что она может мне дать. Эта жажда отличает меня от тех, кто готов мириться и с малым. Мне не понять, почему желания людей столь ничтожны, а амбиции так малы и скромны, когда возможности, которые предлагает им мир, безграничны. Я недостаточно хорошо знаю свою мать, чтобы судить о ее мечтах, – знаю лишь, что для нее они велики и значимы, и я стараюсь относиться к этому с уважением. Само собой, при всех наших различиях кое в чем мы с ней все же едины – в решении изменить жизнь к лучшему.

Мама выросла в общине немецких евреев в Англии. Ее семья была религиозной, но к хасидам они не принадлежали. Дитя разведенных родителей, она вспоминает, что в юности была «проблемной», «нескладной» и «несчастной». Ее шансы выйти замуж в принципе – не говоря уже о том, чтобы выйти замуж удачно, – стремились к нулю, говорит она.

Официант ставит перед ней тарелку с жареной полентой и рагу из черной фасоли, и она втыкает вилку в еду.

Перспектива выйти замуж за моего отца, которая внезапно перед ней нарисовалась, была похожа на сказку, сообщает она, прожевав кусочек. Его родственники были богаты, и им не терпелось поскорее его женить. Его помолвки дожидались и младшие в роду за ним – им тоже пора было устраивать личную жизнь. Ему было двадцать четыре года – слишком много для приличного еврейского парня для того, чтобы ходить в холостяках. Чем старше становились женихи, тем сложнее было найти им невесту. Рэйчел, моя мать, была для отца последним шансом.

---

⁵ Гой – нееврей.

⁶ Верхний Ист-Сайд – самый роскошный район Манхэттена с престижной недвижимостью, дорогими магазинами и ресторанами, расположенный с восточной стороны Центрального парка.

Все мамины близкие были в восторге, вспоминает она. Она поедет в Америку! Его родственники вызвались все оплатить. Там ее ждала красивая, совершенно новая и полностью обставленная квартира. Украшения и изящные наряды. И золówki, которые мечтали с ней подружиться.

– То есть они хорошо к тебе относились? – спрашиваю я, имея в виду своих теток и дядей, которые, как мне помнится, в большинстве своем презирали меня, причин чему я так до конца и не поняла.

– Сперва да, – говорит она. – Понимаешь, я была новой игрушечкой из Англии. Худой симпатичной девочкой с забавным акцентом.

Она фактически их спасла – тех младших его родственников. Избавила их от участи состариться в одиночестве. Поначалу они радовались, что брата наконец-то пристроили.

– Я превратила его в *мениша*⁷, – говорит мне мама. – Я заботилась о том, чтобы у него был опрятный вид. Он не умел следить за собой, и этим занималась я. Благодаря мне он выглядел прилично и больше не вызывал у родственников стыд.

Стыд – только это я и ощущала по отношению к отцу. Помню, что вид у него всегда был запущенный и грязный, и вел он себя слишком непосредственно и неприлично.

– А ты сейчас что об отце думаешь? – спрашиваю я. – Как считаешь, что с ним не так?

– Ой, не знаю. Думаю, он не в себе. Психически больной.

– Серьезно? И все? Тебе не кажется, что он просто умственно отсталый?

– Ну, он как-то раз был у психиатра уже после того, как мы поженились, и психиатр сказал мне, что почти не сомневается в том, что у твоего отца какое-то расстройство личности, но неясно, какое именно, потому что тот отказался от дальнейших исследований и на лечение больше не приходил.

– Ну, даже не знаю, – задумчиво говорю я. – Тетя Хая однажды рассказала мне, что в детстве ему диагностировали умственную отсталость. Она сказала, что IQ у него был 66 баллов. Такое не особо лечится.

– Да они ведь и не пытались его лечить, – настаивает мать. – Могли бы хоть попробовать. Я киваю.

– В общем, вначале они были добры к тебе. А потом-то что случилось? – Я вспоминаю, как тетки шептались о маме и говорили о ней всякие гадости.

– Ну, после того как суматоха улеглась, они стали меня игнорировать. Устраивали всякое, а меня не приглашали. Они смотрели на меня свысока, потому что я была из бедной семьи, а у них были богатые мужья и солидное наследство и жили они совсем другой жизнью. Мы же почти не зарабатывали – ни твой отец, ни я, так что нас обеспечивал твой дедушка. Но он был прижимистый – отсчитывал нам на продукты жалкие гроши. Очень умный он был, твой *зейде*⁸, но людей совсем не понимал. Он был оторван от жизни.

Меня до сих пор задевает, когда кто-то плохо отзывается о моих родных, – как будто я обязана их оправдывать.

– С другой стороны, я знала, что твоя *баби*⁹ меня ценит. Никто к ней не прислушивался, но она уж точно была куда более разумной и непредвзятой, чем считали окружающие.

– О, тут я согласна! – Я радуюсь, что наши мнения сходятся, что есть человек, которого мы обе воспринимали одинаково. – Она и со мной была такой же. Она относилась ко мне с уважением, даже когда все остальные думали, что от меня одни проблемы.

– Да, но... веса в семье у ее голоса не было.

– Увы.

---

⁷ Человек (*идиш*), здесь: приличный, уважаемый мужчина.

⁸ Дедушка (*идиш*).

⁹ Производное от *бобе*, бабушка (*идиш*).

В общем, мать там ничто не держало. Ни муж, ни семья, ни дом. В колледже у нее была бы хоть какая-то жизнь, цель, вектор развития. Когда тебя ничто не держит, ты уходишь. Уходишь туда, где можешь принести какую-то пользу, туда, где тебя примут.

К нашему столу приближается официант, в руках у него шоколадный брауни со свечкой. «С днем рождения тебя...» – поет он негромко и на секунду встречается со мной глазами. Я опускаю взгляд, ощущая, как вспыхнули щеки.

– Задуй свечу, – торопит мать, вынимая фотоаппарат. Мне смешно. Готова поспорить, официант думает, что я самая обычная девушка, которая отмечает день рождения с мамой, и что это наша ежегодная традиция. Придет ли кому-то в голову, что мать пропустила почти все мои дни рождения? Как ей удастся так быстро снова влиться в роль матери? Неужели для нее это естественно? Для меня точно нет.

Когда мы расправляемся с брауни, она промокает рот салфеткой и на миг замолкает. Она говорит, что хотела забрать меня с собой, но не смогла. У нее не было денег. Семья отца угрожала превратить ее жизнь в ад, если она попытается меня увезти. Хая, старшая из теток, вела себя хуже всех, говорит она. «Когда я навещала тебя, она просто вытирала об меня ноги, словно я тебе не мать, словно не я родила тебя. Кто дал ей такое право, ведь она даже не одной с нами крови?» Хая вышла замуж за старшего из братьев и сразу же начала всеми помыкать, вспоминает мать. Она главенствовала во всех делах, везде распоряжалась, громко выражала обо всем свое мнение.

Когда мама ушла от отца, Хая начала распоряжаться и моей жизнью. Это она решила, что я буду жить у бабушки с дедушкой, что пойду в сатмарскую школу, что выйду замуж за хорошего сатмарского парня из религиозной семьи. В итоге именно Хая научила меня управлять своей жизнью, быть нестигаемой, как она, и не давать себя в обиду.

Как я узнала позже, именно Хая убедила Зейде обратиться к свахе, когда мне едва исполнилось семнадцать лет. По сути, она сама и выступила моей свахой, это она решила, за кого мне выходить. Я могла бы вменить ей в вину все, что мне пришлось в итоге пережить, но мне хватает мудрости этого не делать. Я знаю, как устроен наш мир и как людей с головой заносит мощной лавиной наших вековых традиций.

Август 2010

Нью-Йорк

1

Я ищу свою тайную силу

Матильде ужасно хотелось, чтобы у нее были добрые, любящие, понимающие, честные и умные родители. Но ей ничего другого не оставалось, как смириться с тем, что они такими не были. <... > Поскольку она была очень маленькой и ростом, и возрастом, то единственным преимуществом, которым Матильда обладала по сравнению с другими членами семьи, было ее умственное превосходство¹⁰.
Рональд Даль. МАТИЛЬДА

Отец держит меня за руку и шарит по карманам в поисках ключей от склада. Здесь, в индустриальной стороне Вильямсбурга¹¹, улицы непривычно пустые и тихие. В ночном небе над нами слабо мерцают звезды, невдалеке по автостраде, словно призраки, проносятся редкие машины. Я рассматриваю свои лакированные туфельки, которыми нетерпеливо топаю по тротуару, и прикусываю губу, чтобы тормознуть импульс заныть. Я рада, что я тут. Не каждую неделю *Тати*¹² берет меня с собой.

Одна из подработок моего отца – включать печи в кошерной¹³ пекарне Бейгеля, когда заканчивается шабат¹⁴. Любой еврейский бизнес должен приостанавливать работу во время шабата, и закон требует, чтобы заново запускал его тоже еврей. Для работы с такими простыми требованиями отец вполне годится. Работники-гои уже трудятся, когда он приходит, – замешивают тесто, лепят из него буханки и булки, и, когда отец шагает по длинному складу, на ходу щелкая выключателями, вокруг нас нарастает гудение и жужжание, пока мы движемся сквозь просторные гулкие помещения. Сегодня редкий случай: он взял меня с собой, и мне ужасно нравится быть среди всей этой суеты и знать, что в центре ее – мой папа и что все эти люди обязаны дожидаться его прихода, прежде чем продолжить работу в обычном режиме. Я ощущаю себя важной, потому что знаю, что он тоже важный человек. Сотрудники приветственно кивают ему с улыбкой, несмотря на то что он опоздал, и гладят меня по голове ладонями в припыленных мукой перчатках. К тому моменту, когда отец добирается до последнего цеха, вся фабрика пульсирует от гула мешалок и конвейерных лент. Цементный пол слегка вибрирует у меня под ногами. Пока отец разговаривает с работниками, пожевывая *эйер кихелех*¹⁵, я смотрю, как противни заезжают в печи и выкатываются с другой стороны, заполненные рядами глянцевиных золотистых булочек.

Баби любит *эйер кихелех*. Мы всегда приносим его Баби после наших походов в пекарню. Полки в вестибюле склада набиты запечатанной в коробки выпечкой, которая с утра пораньше отправится в магазины, и на выходе мы прихватываем с собой столько, сколько можем унести. Здесь и знаменитые кошерные капкейки с радужной посыпкой, и увесистые бабки с корицей и шоколадом, и семислойные торты, сочащиеся маргарином, и мелкое черно-белое печенье, у которого я люблю отгрызать только шоколадную часть. Все, что отец наберет с собой на выходе,

---

¹⁰ Перевод И. Кастальской.

¹¹ Вильямсбург – район на севере Бруклина, Нью-Йорк, населенный преимущественно хасидами.

¹² Производное от *tate*, папа (*идиш*).

¹³ Кошерный – соответствующий требованиям кашрута, системы питания, основанной на предписаниях Торы.

¹⁴ Шабат – суббота, священный день для иудеев. Шабат наступает с заходом солнца в пятницу и заканчивается с заходом солнца в субботу. По религиозному закону, в субботу запрещена любая работа, нельзя пользоваться электричеством, водить машину, готовить, убираться и пр.

¹⁵ Яичные пирожные (*идиш*). Традиционное блюдо еврейской кухни – песочное печенье в виде ромбиков или бантиков, сверху смазанное желтком и присыпанное сахаром.

позже отправится к бабушке с дедушкой и будет вывалено на обеденный стол словно добыча, и я смогу попробовать абсолютно все.

Что может сравниться с такой роскошью, с изобилием конфет и сладостей, разбросанных по парчовой скатерти, словно товары на распродаже? Сегодня ночью я быстро проваляюсь в сон, ощущая сладость глазури, забившейся между зубами, и крошек, что тают у меня за щеками.

Это один из немногих приятных моментов, которые я могу разделить с отцом. Обычно у меня нет поводов им гордиться. У него на рубашках желтые пятна под мышками, несмотря на то что Баби стирает почти всю его одежду, и улыбается он как клоун – слишком широко и глупо. Когда он заходит к Баби, чтобы повидать меня, то приносит эскимо в шоколаде Klein's и смотрит, как я его ем, ожидая от меня слов благодарности. Видимо, он думает, что, обеспечивая меня сладким, исполняет свой отцовский долг. Уходит он так же внезапно, как и приходит, – убегает по каким-то своим «делам».

Я знаю, что ему дают работу из жалости. Его нанимают водителем, доставщиком – кем угодно в узких рамках того, что он может делать, не попадая впросак. Он этого не осознает; он считает, что его работа очень важна.

У отца много разных подработок, но он берет меня с собой только в пекарню (изредка) и в аэропорт (еще реже). Поездки в аэропорт интереснее, но они случаются всего пару раз в год. Знаю, радоваться визиту в аэропорт странно, поскольку в самолет мне попасть не светит, но мне ужасно нравится стоять рядом с отцом, пока он дожидается того, кого должен встретить, и наблюдать за толпами мечущихся туда-сюда людей с чемоданами, поскрипывающими им вслед, зная, что все они куда-то и зачем-то летят. До чего же удивителен мир, думается мне, в котором самолеты ненадолго садятся здесь, прежде чем волшебным образом возникнуть в аэропорту где-то на другом конце планеты. Будь у меня заветное желание, я загадала бы всю жизнь провести в путешествиях из одного аэропорта в другой. Сбросить оковы постоянства.

Отец привозит меня обратно домой, и я еще долго его не увижу, возможно, несколько недель – если только не столкнусь с ним на улице. Тогда я постараюсь отвернуться и притвориться, что не заметила его, чтобы он не подозревал меня и не представил тому, с кем разговаривает. Терпеть не могу эти жалостливые и любопытные взгляды, которыми люди одаривают меня, когда узнают, что я его дочь.

– Так это твоя *мейделе*¹⁶? – снисходительно воркуют они, щиплют меня за щеки или тянут меня за подбородок скрюченными пальцами. А потом всматриваются в мое лицо, пытаются увидеть в нем хоть какие-то черты, роднящие меня с ним, чтобы позже с кем-нибудь посплетничать: «*Небех*¹⁷, бедная крошка, ее ли вина, что она родилась? У нее же на лице написано, что она не в себе».

Баби – единственная, кто считает, что я на сто процентов в себе. Она в этом не сомневается, это видно. Она никого не осуждает. Она так и не навесила никакого ярлыка на моего отца, хотя, может быть, она просто ушла в отрицание. Когда она рассказывает истории из его детства, то описывает его как милого шалуна. Он был совсем тощим, поэтому она испробовала все способы, чтобы хоть как-то заставить его есть. Он получал все, что хотел, но не мог выйти из-за стола, пока не опустошит тарелку. Однажды он привязал куриную ножку к леске и бросил ее в окно дворовым котам на съедение, чтобы не сидеть за обедом часами, в то время как его друзья играют на улице. Когда Баби вернулась, он показал ей пустую тарелку, и она спросила:

– А где косточки? Косточки ты съесть не мог.

Так она и догадалась.

Я была готова восхититься отцовской смекалкой, но пузырь моей гордости лопнул, когда Баби рассказала, что ему не хватило мозгов продумать все наперед – вытянуть леску обратно и

---

¹⁶ Девочка (*идиш*).

¹⁷ Бедняга, бедолага (*идиш*).

вернуть уже обглоданные кости на тарелку. Одиннадцатилетней мне хотелось, чтобы этот план – довольно хитроумный – был исполнен с большей сноровкой.

В подростковом возрасте его невинные проказы уже больше не казались милыми. Он по-прежнему не мог спокойно высиживать занятия в ешиве¹⁸, поэтому Зейде отправил его в лагерь Гершома Фельдмана на севере штата Нью-Йорк. Там была ешива для проблемных детей – обычная ешива, вот только за непослушание в ней наказывали побоями. Отца от чудачеств это так и не избавило.

Наверное, ребенка проще оправдать за причуды. Но как объяснить поведение взрослого, который месяцами хранит у себя в комнате пирог – пока запах плесени не становится невыносимым? Как объяснить, что делают в его холодильнике штабеля бутылочек с жидким розовым антибиотиком для детей, который отец считает нужным употреблять каждый день, дабы излечиться от неведомой болезни, которую не способен диагностировать ни один врач?

Баби по-прежнему старается о нем заботиться. Специально для него она готовит говядину, притом что Зейде не ест говядину уже десять лет – со времен скандала из-за куска кошерной говядины, которая оказалась совсем не кошерной. Баби до сих пор готовит для всех своих сыновей – даже для женатых. Они приходят к ней на ужин, хотя у них есть свои жены, которые должны их кормить, и Баби ведет себя, будто все так и должно быть. Каждый день в десять вечера она протирает столы на кухне и шутливо объявляет «ресторан» закрытым.

Я тоже здесь питаюсь и чаще всего здесь же и ночую, потому что мамы рядом больше нет, а на отца полагаться невозможно. Помню, что, когда была совсем маленькой, мама читала мне перед сном истории о голодных гусеницах и красной собаке по кличке Клиффорд. У Баби дома есть только книги с молитвами. Перед сном я произношу молитву Шма¹⁹.

Я хотела бы снова читать книги, потому что воспоминания о них – самые светлые в моей жизни, но английский я знаю плохо и не могу доставать себе книги сама. Так что вместо книг я поглощаю капкейки от Бейгеля и *эйер кихелех*. Еда приносит Баби особенное удовольствие и радость, и ее любовь к вкусностям заражает и меня.

Кухня Баби – что-то вроде центра вселенной. Это место, где все собираются поболтать и посплетничать, пока Баби вливает ингредиенты в чашу электрического миксера или помещивает вариво в вечно булькающих на плите кастрюльках. Тяжелые разговоры ведут с Зейде за закрытыми дверями, а вот хорошие новости всегда приносят в кухню. Сколько себя помню, меня всегда тянуло в эту маленькую, выложенную белой плиткой комнатку, так часто окутанную паром от готовки. Еще малышкой я проползала один лестничный пролет из нашей квартиры на третьем этаже в кухню Баби на втором, осторожно переставляя свои пухлые ножки по выстеленным линолеумом ступенькам в надежде, что в конце пути меня ждет вознаграждение в виде стаканчика вишневого желе.

Именно в этой кухне я всегда ощущала себя вне опасности. От чего – я и сама не смогла бы объяснить, но только в кухне я не чувствовала себя потерянной в чужой стране, где никто не знал, кто я и на каком языке говорю. В этой кухне мне казалось, что я вернулась туда, откуда я родом, и обратно в хаос мне совсем не хотелось.

Обычно я залезаю с ногами на маленький кожаный табурет, притаившийся между столом и холодильником, и наблюдаю, как Баби взбивает жидкое тесто для шоколадного пирога, дожидаясь, когда мне дадут лопатку, которую я смогу облизать дочи́ста. Перед шабатом Баби пестиком заталкивает в мясорубку здоровые куски говяжьей печени, то и дело перемежая их горстями золотистого поджаренного лука, а с другой стороны придерживает миску, в которую похожая на крем перемолотая печенка сочится из отверстий мясорубки. Иногда по утрам она

---

¹⁸ Ешива – еврейское религиозное учебное заведение для мужчин, где изучают священные тексты и религиозный закон.

¹⁹ Шма – главная молитва иудаизма. Полный текст включает в себя три отрывка из Торы: Втор. 6: 4–9, Втор. 11: 13–21, Числ. 15: 37–41. Молитву читают дважды в день, сразу после пробуждения и перед отходом ко сну. В отличие от большинства молитв и благословений, которые читают только мужчины, Шма также читают женщины и дети.

вливает в ковш молоко, добавляет туда дорогое голландское какао, доводит смесь до кипения и угощает меня густым темным горячим шоколадом, который я подслащиваю кубиками рафинада. Ее яичница-болтуня истекает сливочным маслом; ее *бундаш* – венгерская версия французских тостов – всегда идеально поджарен и хрустит. Смотреть, как она готовит, нравится мне даже больше, чем есть то, что в итоге выходит. Обожаю, когда дом наполняется ароматами; они медленно путешествуют сквозь анфиладу комнат, поочередно заглядывая в каждую. Я просыпаюсь по утрам в своей маленькой комнатке в самом дальнем конце квартиры и с интересом принимаюсь, гадая, над каким же блюдом Баби корпит сегодня. Она всегда рано встает, и к тому моменту, когда я открываю глаза, еда уже вовсю шкварчит на плите.

Если Зейде нет дома, то Баби поет²⁰. Мастерски взбивая пышный купол меренги в блестящей металлической миске, она напевает без слов своим тонким, слабым голосом. Это венский вальс, сообщает она мне, или венгерская рапсодия. Мелодии из ее детства, говорит она, воспоминания о Будапеште. Когда Зейде приходит домой, она прекращает петь. Я знаю, что женщинам не положено петь, но в присутствии семьи это дозволено. Но Зейде одобряет пение только в шабат. Поскольку Храм²¹ был разрушен, говорит он, нам не следует петь или слушать музыку, если для того нет особенного повода. Иногда Баби достает старый кассетный магнитофон, подаренный мне отцом, и снова и снова проигрывает на нем музыку со свадьбы моего двоюродного брата – негромко, чтобы услышать, если кто-то войдет. Стоит половицам скрипнуть в коридоре, она совсем его выключает.

Ее отец был *коэном*²², напоминает она мне. Он мог отследить свой род до священников, служивших в Храме. Коэны – обладатели красивых, звучных голосов. Зейде музыкальным слухом обделен, но он очень любит петь песни, которые пел ему отец еще в Европе, – традиционные мелодии шабата, которые в его исполнении превращаются в неблагозвучное бление. Баби качает головой и посмеивается над его стараниями. Она уже давно смирилась с тем, что подпевать ему невозможно. Из-за Зейде никто не попадает в тональность – его громкие, заунывные рулады заглушают все прочие голоса до такой степени, что мелодия становится неузнаваемой. Лишь один из ее сыновей унаследовал ее голос, говорит Баби. Остальные – такие же, как отец. Я сообщаю ей, что меня выбрали солисткой в школьном хоре, что, возможно, сильный и чистый голос достался мне от ее родных. Мне хочется, чтобы она мной гордилась.

Баби никогда не спрашивает, как у меня дела в школе. Ее не волнует, чем я занята. Будто ей вовсе и не интересно, что я на самом деле собой представляю. Она со всеми такая. Думаю, это оттого, что вся ее семья была убита в концлагерях и у нее больше не осталось моральных сил, чтобы привязываться к людям.

Все, что ее заботит, – это достаточно ли я ем. Достаточно ли ржаного хлеба, щедро смазанного сливочным маслом, достаточно ли наваристого овощного супа, достаточно ли квадратных влажного, глянцевого яблочного штруделя. Кажется, что Баби постоянно мечет тарелки с едой в мою сторону – даже в самые неподходящие моменты. Попробуй-ка эту жареную индейку на завтрак. Поешь салата коул-слоу в полночь. Что готовится – то и ешь. В буфете нет ни пакетов с чипсами, ни даже обычных хлопьев. У Баби едят только то, что было приготовлено дома.

²⁰ Согласно еврейской религиозной традиции, женщинам запрещено петь в присутствии мужчин, так как женский голос считается источником соблазна.

²¹ Имеется в виду Иерусалимский храм – центр религиозной жизни еврейского народа, располагавшийся на Храмовой горе в Иерусалиме и разрушенный римлянами в 70 г. Считается, что в Храме находилась главная святыня иудаизма – ковчег Завета, внутри которого хранились скрижали с заповедями, полученные Моисеем на горе Синай. После разрушения Храма ковчег был утрачен.

²² Коэны – потомки еврейских первосвященников, допускавшихся к ковчегу Завета. Для коэнов существуют отдельные правила ритуальной чистоты, более строгие, чем для других евреев. Потомки коэнов имеют высокий статус в еврейском обществе.

О школе меня спрашивает Зейде, но его интересует только, хорошо ли я себя веду. Ему важно, чтобы поведение мое было пристойным и никто не мог сказать, что у него взбалмошная внучка. На прошлой неделе он велел мне покаяться перед Йом Кипуром²³, чтобы новый год я могла начать с чистого листа, волшебным образом превратившись в тихую богобоязненную девочку. В этот раз я впервые постилась – согласно Торе в двенадцать лет я стану женщиной²⁴, а в одиннадцать девочкам положено сделать пробную попытку воздержания от пищи. Меня ждет великое множество новых правил, когда я перейду из детства во взрослую жизнь. Ближайший год – своего рода репетиция этой жизни.

До следующего праздника, Суккота²⁵, остается всего несколько дней. Зейде нужна моя помощь, чтобы построить сукку – маленький домик из дерева, в котором мы будем принимать пищу в следующие восемь дней. Для того чтобы сделать крышу из бамбука, Зейде взгромоздится на вершину стремянки и будет выкладывать настил из тяжелых бамбуковых стволов поверх только что сколоченных балок, поэтому ему нужен тот, кто будет подавать ему бамбуковые палки. Бамбук издает гулкий стук, когда падает на свое место. Почему-то именно мне всегда достается эта скучная работа – часами стоять у подножия лестницы и по одной подавать палки в протянутые руки Зейде.

И все же мне приятно чувствовать себя полезной. Несмотря на то что бамбуковым стволам как минимум десять лет и весь предыдущий год они провели в подвале, у них свежий и сладковатый аромат. Я катаю их в ладонях, и их поверхность, отполированная до лоска за годы использования, кажется прохладной. Зейде медленно и бережно поднимает каждую палку. Зейде – небольшой любитель заниматься домашними делами, но на подготовку к праздникам он всегда находит время. Суккот – один из моих любимых праздников, потому что его отмечают на улице, на свежем осеннем воздухе. Когда дни начинают убывать, я смакую все до последнего солнечные лучи на крыльце у Баби, даже если от холода приходится закутываться в несколько свитеров сразу. Я ложусь на три составленных в ряд деревянных стула лицом к солнечным лучам, которые как могут пробиваются сквозь узкий проулок между теснящимися вдоль него «браунстоунами»²⁶. Нет ничего приятнее, чем чувствовать на коже ласку бледного осеннего солнца, и я нежусь в его лучах, пока они тают за унылым пыльным горизонтом.

Суккот – длинный праздник, но в середине его есть четыре дня без особых церемоний. В эти дни, называемые Холь ха-Моэд²⁷, водить машину и тратить деньги не запрещено, и они почти не отличаются от привычных будней – за исключением того, что работать нельзя, поэтому многие куда-нибудь выбируются всей семьей. Мои кузены всегда куда-то ездят в Холь ха-Моэд, и я уверена, что кто-нибудь из них возьмет меня с собой. В прошлом году мы были на Кони-Айленде. Мими говорит, что в этом году мы поедем в парк кататься на коньках.

Мими – одна из немногих родных, кто хорошо ко мне относится. Думаю, это потому, что ее отец в разводе. Ее мать теперь замужем за мужчиной из другого рода, но Мими все

²³ Йом Кипур – один из главных дней в еврейском календаре, «Судный день», когда Бог оценивает, как вел себя человек на протяжении всего прошедшего года. В этот день принято держать строгий пост, воздерживаясь и от еды, и от питья, читать покаянные молитвы и ходить в синагогу.

²⁴ Совершеннолетие для девочек (*бат-мицва*) в иудаизме наступает в 12 лет и 1 день.

²⁵ Суккот – семидневный осенний праздник, отмечаемый в память о кущах (шалашах), в которых жили израильтяне в пустыне, когда покинули Египет. В Суккот принято проводить время в *сукке* – шалаше, вспоминая о скитаниях еврейского народа.

²⁶ «Браунстоун» – распространенный в Нью-Йорке тип городских многоквартирных домов высотой 3–5 этажей, построенных преимущественно из коричневого песчаника (отсюда и название: *англ.* brown – коричневый, stone – камень) в конце XIX – начале XX в. В таком доме, например, жила героиня Сары Джессики Паркер в сериале «Секс в большом городе».

²⁷ «Будни выделенных дней» (*др.-евр.*). Полупраздничные дни в течение длинных праздников Суккота и Песаха. В отличие от праздничных дней, в которые, как в шабат, запрещено водить, пользоваться электричеством, готовить еду и пр., в эти дни запреты менее строгие.

равно часто заглядывает к Баби, чтобы повидаться с отцом – моим дядей Синаем. Иногда мне кажется, что наша семья делится надвое: на проблемных людей и на идеальных. Со мной общаются только первые. В любом случае с Мими очень весело. Она старшеклассница, и может ездить по городу сама, а еще она красиво укладывает свои медовые волосы, подкручивая их на концах.

Я провожу два беспокойных дня, помогая Баби подавать праздничные блюда: хожу с загруженными едой подносами из кухни в сукку и обратно. И вот они позади – наконец-то наступает Холь ха-Моэд. С утра пораньше за мной заходит Мими. Я уже готова и одета в соответствии с ее указаниями. Носки поверх плотных колготок, толстый свитер поверх рубашки (так теплее), на руках дутые варежки, на макушке шапка. Я кажусь себе пухлой и нелепой, зато хорошо подготовившейся. На Мими шикарное темно-серое шерстяное пальто с бархатным воротником и бархатные перчатки, и я завидую ее элегантному виду. Я выгляжу как разряженная обезьяна – тяжелые варежки по-дурацки оттягивают мои руки вниз.

Кататься на коньках – просто чудесно. Поначалу я неуверенно пошатываюсь на коньках из проката и цепляюсь за бортик, объезжая каток по кругу, но вскоре понимаю принцип движения, и, как только у меня начинает получаться, мне кажется, будто я лечу. Я делаю толчок ногой и прикрываю глаза во время скольжения, стараясь держать спину прямо, как велела Мими. В жизни не чувствовала себя такой свободной.

Я слышу чей-то смех, но он кажется далеким и тонет в шуме воздуха, свистящего у меня в ушах. Скрежет коньков по льду громче всего остального, и я пропадаю в его ритме. Мои движения становятся размеренными, словно в трансе, и мне хочется провести в них всю жизнь. Всякий раз открывая глаза, я жду, что окажусь в каком-то другом месте.

Через два часа меня настигает зверский голод. Этот голод ощущается иначе – вероятно, такой голод приходит после сладостного изнурения, и пустота внутри меня в кои-то веки не мучительна. Мими взяла с собой кошерные сэндвичи. Мы устраиваемся на скамейках возле катка и едим.

С энтузиазмом вгрызаясь в своего тунца на ржаном хлебе, я разглядываю семью за соседним столиком для пикника и девочку с ними – похоже, мою ровесницу. Ее наряд куда больше подходит для катка (в отличие от моего) – на ней короткая юбка и толстые разноцветные колготки. И даже меховые наушники.

Она замечает, что я смотрю на нее, и слезает со скамьи. Она протягивает мне кулачок, открывает его, и там оказывается конфета в блестящем серебристом фантике. Я таких конфет еще не видела.

– Ты еврейка? – спрашиваю я, чтобы убедиться, что угощение кошерное.

– Ага, – говорит она. – Я даже хожу в еврейскую школу и все такое. Я знаю алеф-бет²⁸. Меня зовут Стефани.

Я с опаской беру у нее шоколадку. На ней написано «Хирши»²⁹. «Хирш» на идише означает «олень». А еще это популярное еврейское имя, которым называют мальчиков. Окончание «и» делает его уменьшительно-ласкательным. Интересно, что за человек такой этот Хирши, испытывают ли гордость его дети, когда видят на конфетных фантиках имя отца. Был бы у меня такой папа. Не успеваю я развернуть обертку, чтобы посмотреть, что за шоколадка там внутри, как Мими бросает на меня суровый взгляд и предостерегающе качает головой.

– Спасибо, – говорю я Стефани и прячу конфету в кулаке.

Девочка вскидывает голову и убегает к своему столу.

– Тебе нельзя эту шоколадку, – объявляет Мими, как только Стефани оказывается за пределами слышимости. – Она не кошерная.

---

²⁸ Еврейский алфавит (*ивр.*).

²⁹ Hershey's.

– Но она же еврейка! Она сама сказала! Почему мне ее нельзя?

– Потому что не все евреи соблюдают кашрут. А те, что соблюдают, не всегда выбирают полностью кошерную пищу. Смотри, видишь эту отметку на обертке? Тут написано OUD³⁰. Это означает кошерную молочную продукцию. Это не *халав Исраэль*³¹ – значит, молоко, из которого сделали конфету, не прошло раввинскую проверку. Зейде будет в ужасе, если ты принесешь это в его дом.

Мими забирает у меня шоколадку и выбрасывает ее в ближайший мусорный бак.

– Я куплю тебе другую шоколадку, – говорит она. – Потом, когда вернемся домой. Кошерную. Батончик La-Hit, например – ты же их любишь, да?

Я покорно киваю. Доедая свой сэндвич с тунцом, я слежу за Стефани, которая тренируется прыгать на резиновом покрытии. Зазубренные носики лезвий на ее коньках глухо стучат в пол, когда она приземляется – всякий раз с безупречной выправкой. *Как можно быть еврейкой и не соблюдать кашрут*, удивляюсь я. *Как можно знать алеф-бет, но при этом есть шоколадки «Хиши»?* Она что, совсем не соображает?

Выражение лица тети Хаи не сулит ничего хорошего. Она сидит рядом со мной за праздничным столом и учит меня есть суп не хлюпая. Угрозы в ее свирепом взгляде вполне достаточно для того, чтобы урок вышел быстрым и эффективным. Я опасаюсь привлекать ее внимание – оно никогда не бывает к добру. Тетя Хая принимает все важные решения относительно моей жизни, хотя вижу я ее теперь нечасто. Когда моя мать только покинула нас, я жила у нее и каталась в ее маленькой черной «хонде» – все в округе высывались из окон, чтобы поглядеть на такое зрелище. Видимо, она была первой женщиной в Вильямсбурге, которая водила машину сама.

Я была очень несчастна, когда жила с тетей Хаей. Когда я плакала, она орала на меня, но чем больше я старалась успокоиться, тем быстрее текли предательские слезы. Я умоляла, чтобы мне разрешили переехать к Баби, и, хотя дедушка с бабушкой были старенькими и уже давно вырастили собственных детей, мне в конце концов позволили поселиться у них. Зейде до сих пор прислушивается к советам Хаи о том, как меня воспитывать, правда, мне неясно, с какой стати она считается авторитетом, если все три ее дочери избавились от колготок со швами³², как только закончили школу, и переехали в Боро-Парк, когда повыходили замуж³³.

Накануне Суккота Баби отправляет меня в квартиру Хаи на четвертом этаже, чтобы помочь ей прибраться перед праздником. У Хаи везде разложены мышеловки, потому что у нас вечные проблемы с грызунами (как и у всех, кто живет в старых домах в Вильямсбурге), несмотря на то что дважды в неделю к нам приходит дератизатор. Хая всегда дополнительно мажет арахисовым маслом эти липкие желтые прямоугольники и заталкивает их под мебель. Когда я поднялась к ней, она как раз проверяла мышеловки. Она выдвинула метлой одну из-под плиты, и в ней, жалостно пища, отчаянно трепыхалась мышь. Я поняла, что извлечь ее оттуда уже нельзя, но мне все равно хотелось найти какой-то более милосердный выход – вроде как с пойманными насекомыми, которых выпускаешь за окно. Но не успела я даже словечка вымолвить, как Хая подняла мышеловку двумя руками и сложила ее пополам одним быстрым, резким движением, моментально раздавив мышь насмерть.

---

³⁰ Символ OUD означает, что продукт содержит молочные ингредиенты, то есть относится к молочной пище, которую по законам кашрута нельзя употреблять вместе с мясной.

³¹ «Молоко Израиля», молочные продукты, произведенные под надзором *машигиаха*, специалиста по кашруту. К производству таких продуктов предъявляются строгие требования на всех этапах, от содержания животных до упаковки.

³² Старшеклассницы в хасидской общине носят колготки со швами сзади. Подробнее об этой традиции рассказывается в главе 4.

³³ Имеется в виду, что ее дочери покинули общину сатмарских хасидов и перестали соблюдать ее законы, перейдя в более либеральный вариант иудаизма.

У меня глаза на лоб полезли. Я никогда не видела, чтобы кто-то с таким наслаждением избавлялся от мыши. Когда Баби находила мышь, та обычно была уже мертва, и Баби заворачивала ее в пакет и выбрасывала в мусорный бак на улице. Пару месяцев назад я открыла свой гардероб и обнаружила на полке семейство мышей, которое устроилось на моем аккуратно сложенном свитере: девять розовых вертялых существ, каждое размером с мой ноготь, радостно носились в кучке ошметков фольги и бумаги, которые, судя по всему, притащила их мать. Я дала им пожить там неделю и никому не рассказывала о своей находке. Однажды они пропали. Я, дуреха, позволила десяти взрослым мышам свободно разгуливать по нашему дому, пока Баби переживала, как бы от них избавиться.

Не то чтобы я любила мышей. Я просто не люблю убивать живность. Зейде считает, что такое милосердие неадекватно, неуместно. Вроде как умение сострадать само по себе хорошо, но я страдаю не тем, кому надо, или что-то в этом роде. Я тревожусь о том, о чем не следовало бы. Лучше бы я переживала о тех, кто меня растит, говорит он. Лучше бы я трудилась усерднее, чтобы он мог мной гордиться.

Мне кажется, что все мои тетки и дяди жестоки со своими детьми. Они распекают их, стыдят их и кричат на них. Это *хинух*³⁴ – воспитание детей согласно заветам Торы. Обязанность родителей – вырастить из детей богобоязненных законопослушных евреев³⁵. Допускается любой способ добиться дисциплины, если он служит этой цели. Зейде часто напоминает мне, что строгие выговоры он делает своим внукам исключительно из чувства долга. Настоящий гнев под запретом, говорит он, но ради *хинуха* его нужно убедительно изображать. В нашей семье поцелуи и объятия не приняты. Мы не делаем друг другу комплименты. Вместо этого мы внимательно приглядываем друг за другом, всегда готовые отметить чей-то духовный или физический недостаток. Это, по словам Хаи, и есть участие – забота о духовном благосостоянии близких.

И Хая заботится о моем духовном благосостоянии больше, чем кто-либо еще в семье. В гостях у Баби она следит за мной как коршун и каждую минуту отпускает мне замечания. В ее присутствии сердце мое колотится сильнее – его ритм громко отдается у меня в ушах, заглушая звук ее голоса. Не то чтобы никто, кроме нее, меня не критиковал. Тетя Рахиль всегда смотрит на меня так, будто я забыла смыть с лица грязь, а дядя Синай отвешивает оплеухи, если я попадаюсь ему на пути. Но Хая во время разговоров сверлит меня взглядом, злобно поджав губы, и причин этому я понять не могу. Она всегда одета в дорогие костюмы и туфли и умудряется не испачкать и не измять свой наряд, даже если подает еду или прибирается. Когда на мой воротник попадает капелька супа, она неодобрительно цокает. У меня явное ощущение, что ей нравится пробуждать во мне страх; он приносит ей чувство могущества. Остальные вроде бы не замечают, как я на них реагирую, но она-то знает, что пугает меня, и это приносит ей удовольствие. Иногда она даже притворяется доброй, и из уст ее льются сахарные речи, но прищур голубых глаз намекает на обратное – она просит помочь ей испечь вишневый пирог, а потом пристально следит, как я вымешиваю сдобное тесто в большом металлическом тазу, и ждет, когда я сделаю хоть мельчайшую промашку.

Хая – единственная натуральная блондинка в нашей семье. Еще две мои тетки носят светлые парики³⁶, но всем известно, что задолго до замужества волосы у них были пепельного цвета. Только у Хаи внешность настоящей блондинки: ровная белая кожа и голубые как лед глаза. В Вильямсбурге натуральные блондины большая редкость, и я вижу, что Хая гордится своей красотой. Иногда я выдавливаю сок лимона себе на голову и размазываю его по волосам в надежде, что они посветлеют, но ничего не происходит. Как-то раз я намазала одну прядь

³⁴ Воспитание (*др.-евр.*).

³⁵ То есть соблюдающих еврейский закон.

³⁶ После замужества женщина должна обрить голову и носить парик, платок либо тюрбан.

бытовым отбеливателем, и это сработало, но я переживала, что окружающие заметят, потому что контраст вышел слишком явный. Красить волосы запрещается, и я бы не вынесла пересулов, которые непременно пойдут, если у кого-нибудь возникнут подозрения насчет моих новых золотистых локонов.

Хая уредила Зейде, что меня надо отвести еще к одному психиатру. Мы сходили уже к двоим – оба оказались ортодоксальными евреями с офисами в Боро-Парке. Первый сообщил, что со мной все нормально. Второй передал Хае все, что я ему рассказала, поэтому я замкнулась и отказывалась с ним разговаривать, пока он не сдался. И вот теперь Хая заявила, что ответит меня к врачу-женщине.

Я понимаю, почему мне нужно ходить к врачам для сумасшедших. Подозреваю, что я тоже ненормальная. Я жду того дня, когда однажды проснусь с пеной у рта, как старая тетя Эстер, у которой эпилепсия. К тому же Хая намекает, что это наследственное со стороны матери. С моей дурной генетикой вряд ли стоит надеяться на душевное здоровье. Чего я не могу понять, так это почему моих родителей не отправили к этим врачам, если они способны помочь? Или если их отправили и это не сработало, то почему должно работать на мне?

Женщину-врача зовут Шифра. У нее лист с таблицей, которую она называет эннеграммой. Это система, в которой существует девять разных типов личности, и она объясняет мне, что можно быть одним из девяти этих типов, а также иметь «крылья» в другие типы – например быть пятым типом с «крыльями» в четвертом и шестом типах.

– Четвертый – это Индивидуалист, – сообщает она мне. – Это ты и есть.

Как быстро она загнала меня в рамки – всего за десять минут с момента знакомства. И что плохого в человеке, который, по ее описанию, проявляет индивидуальность, самодостаточен и закрыт? Может, это тот самый невроз, который Хая хочет выбить из меня, чтобы я стала похожей на нее – жесткой, дисциплинированной и, что самое важное, покорной?

Я высказываю из кабинета, не дождавшись конца приема. Наверняка «врач» использует это в качестве доказательства, что я и правда представляю собой проблему, которая требует решения, разболтанную личность, которой надо подкрутить гайки. Я гуляю взад и вперед по Шестнадцатой авеню, наблюдая, как женщины и девушки закупаются перед шабатом. Из сточной канавы струится запах тухлой селедки, и я морщусь нос. Не понимаю, почему я не могу вести себя, как остальные девочки, у которых скромность в крови. Уверена, что они даже думают тихо и не спеша. На моем же лице написано все, что у меня на уме. И несмотря на то что я никогда не озвучиваю свои мысли вслух, по мне видно, что они о чем-то запретном. У меня и сейчас крутится в голове запретная идея. Я думаю о том, что в ближайшие полтора часа меня никто в Вильямсбурге не ждет, а в паре кварталов к северу есть библиотека, мимо которой я проходила много раз. Проскользнуть в нее здесь не так страшно – в этом районе у меня нет знакомых. Можно не опасаться, что меня узнают.

В библиотеке так тихо и мирно, что мои мысли занимают все свободное пространство – на сколько хватает высоты далеких потолков. Библиотекарь наводит порядок в детской секции, в которой, к счастью, никого нет. Мне нравится в детской секции, потому что здесь есть где присесть, и книги для меня уже подобраны. Библиотекари всегда мне улыбаются, в их глазах сквозит молчаливая поддержка.

У меня нет читательского билета, поэтому я не могу взять книги на дом. А мне бы очень этого хотелось, потому что чтение приносит мне невероятную радость и чувство свободы, и я уверена, что жизнь моя была бы вполне сносной, будь у меня постоянный доступ к книгам.

Иногда кажется, что авторы этих книг понимают, что я такое, что они писали свои истории, представляя себе именно меня. Иначе как объяснить сходство между мной и героями Роальда Даля: невезучими умницами, которых презирают и обижают их недалекие родственники и ровесники?

Когда я прочла «Джеймса и чудо-персик», то размышляла о том, как спрячусь во чрево фрукта из сада Баби и укачусь прочь. Мне кажется, что в литературе о детях – детях необыкновенных и недооцененных, как я, – в какой-то момент случается нечто такое, что меняет жизнь героев, перемещает их в волшебные края – туда, где их истинное место. И тогда они понимают, что вся прошлая их жизнь была ошибкой, что с самого начала их ждала особенная судьба и лучшая жизнь. Я тоже втайне жду, когда провалюсь в Страну чудес или пройду сквозь шкаф в Нарнию. Разве у меня есть другие варианты? В этом мире я точно не на своем месте.

Я поджимаю ноги в сладостном предвкушении, когда читаю о том, как однажды в классе Матильда обнаруживает свою силу в тот отчаянный поворотный момент, который, похоже, есть в любой истории: когда кажется, что надежды уже нет, но она находится снова, причем в самом неожиданном месте. Вдруг я тоже однажды открою в себе неведомую силу? Что, если она уже во мне дремлет? Если бы, подобно Матильде, я в итоге могла уехать домой вместе с мисс Хани, моей унылой жизни нашлось бы объяснение.

В детских книгах всегда счастливый конец. Поскольку до взрослых книг я еще не добралась, я принимаю такой порядок вещей как данность. В детском воображении есть правило: мир должен быть справедливым. Я долго ждала того, кто придет и спасет меня – прямо как в сказках. Когда я осознала, что никто не отправится за мной на край света, чтобы вернуть мне потерянную хрустальную туфельку, то испытала горькое разочарование.

«В пустой бочке звону много». Я постоянно слышу эту пословицу от Хаи, от учительниц в школе, из учебников идиша. Чем громче ведет себя женщина, тем вероятнее она духовно бедна, как порожний сосуд, который на все отвечает гулким эхом. Заполненная содержимым емкость не издает звуков; звенеть она не может. Все детство мне талдычат разные пословицы, но эта задевает меня сильнее прочих.

Как я ни стараюсь, не могу избавиться от врожденной привычки пререкаться. Мне нужно, чтобы последнее слово всегда было за мной, – это неразумно, я знаю. От этого у меня масса проблем, которых можно было бы легко избежать, научись я держать язык за зубами. Но я не способна оставить без внимания чужие промахи. У меня необъяснимая потребность в истине – я вечно комментирую грамматические ошибки и неверные цитаты учителей. Такое поведение принесло мне клеймо *мехицеф*³⁷ – нахалки.

Я хожу в сатмарскую школу. Хая выбрала для меня класс – она директор начальной школы. Другие ученицы поначалу завидовали мне, решив, что меня ждут бесконечные поблажки, но на самом деле для Хаи это просто еще одна возможность надзирать за мной и докладывать о моем поведении дедушке с бабушкой. Она говорит, что отправила меня в продвинутый класс, чтобы мне было к чему стремиться. В моей параллели двенадцать шестых классов, и каждый известен по-своему. Девочки в моем классе религиозные и прилежные и не разделяют мою страсть к развлечениям.

Я тихо постукиваю карандашом по столу, пока учительница объясняет еженедельный отрывок из Торы³⁸. Слушать ее монотонный бубнеж часами напролет просто невыносимо. Высидеть это время было бы не так сложно, напрягись она немного и сделай свой рассказ чуть более интересным. Что ж, если развлечь меня ей не под силу, я сама решу этот вопрос.

Две недели назад под батареей нашли дохлую мышь. Все одновременно попытались выскочить из класса, и случился дурдом. Вонь была чудовищная. Помню, как Хая спустилась из своего кабинета на четвертом этаже, чтобы узнать, о чем весь сыр-бор. Она медленно прошла до конца класса, гулко стуча квадратными каблуками по деревянному полу и скрестив руки позади прямой спины. Прежде чем нагнуться и заглянуть под батарею, она забросила

³⁷ Дерзкий, наглый, нахальный (*идиш*).

³⁸ Недельная глава Торы, *парашат ха-шава*. Тора разделена на отрывки, которые читают подряд в течение года.

за плечо конец шарфа, накрывавшего ее короткий светлый парик. Когда она поднялась, из ее ладони, затянутой в перчатку, свисал ссохшийся серый комок. Кто-то рядом со мной захлебнулся визгом. Хая – губы сжаты, брови выгнуты от отвращения – положила мертвое создание в пакетик с застежкой. Даже учительница побелела лицом – ей явно было не по себе. Одна лишь я не потеряла дара речи от изумления.

Тетя Хая для меня непостижима. Она нам не кровная родственница, и я почти ничего не знаю о ее прошлом. Знаю только, что дети у нее такие же странные. Демонстрируют то же хладнокровие, ту же жесткую осанку и тот же гонор. Она гордится ими и хочет, чтобы я была такой же. Видимо, она считает, что я научусь вести себя как положено, если утрачу способность ощущать боль. Иногда мне кажется, что она права. Но я не готова отказаться от радостей жизни и влачить существование подобно ей – то есть жить, отбросив чувства. Я убеждена, что именно моя высокая эмоциональность делает меня особенной и что она – мой билет в Страну чудес. На моей прикроватной тумбочке вот-вот появится эликсир с ярлычком «Выпей меня». Но до того я обречена торчать в этом классе. Нужно придумать, как подстегнуть время.

Вот бы еще одна мышь нашлась. Я постукиваю карандашом по парте, и тут меня приятным холодком пронзает идея. А что, если – нет, я не смогу. Но вдруг – нет, слишком рискованно. Заявить, что увидела мышь, которой не существует? Но если я буду убедительна, то кому придет в голову меня обвинить? Подскочить при виде бегущей по полу мыши – это разве баловство? Такое нарочно не выдумает. Мои конечности зудят в нервном предвкушении. Получится у меня перевернуть эту шалость? Вот что я сделаю – я уроню карандаш. Потом я наклонюсь за ним и запрыгну на стул, трясаясь от ужаса. И закричу: «Мышь!» – вот и все.

У меня сосет под ложечкой, пока я медленно подкатываю карандаш к краю парты и наблюдаю за его падением, изображая скучный и максимально сонный вид. Я тянусь за ним под стол и замираю, мучительно колеблясь целый миг, а затем взлетаю на стул с ногами.

– А-а-а! – кричу я. – Мышь! Я видела мышь!

Класс тут же наполняется визгом, девочки взбираются на парты, чтобы спастись от грозного грызуна. В ужасе даже учительница. Она отправляет старосту за уборщиком. И никакой больше учебы, пока уборщик не проверит класс и не объявит, что мышей тут нет – что мне и так известно.

И все же он допрашивает меня, пытаясь понять, в какую сторону убежала мышь и где она могла скрыться, и ни на секунду не сомневается в моих словах. Это потому, что он просто не допускает мысли, что хорошая сатмарская девочка способна на такую проказу? Или потому, что страх и шок, написанные на моем лице, отчасти реальны? Я и сама ошеломлена собственной дерзостью.

На перемене снедаемые болезненным любопытством одноклассницы окружают меня и требуют описать увиденное в мельчайших подробностях. «Ты так побледнела!» – замечают они. «Ты выглядела ужасно напуганной». Какая же я искусная актриса. Побелевшее лицо и трясущиеся руки в дополнение к воплю. Подумать только, а мне ведь может пригодиться такой талант – способность убеждать окружающих в чувствах, которых я не испытываю! Эта мысль завораживает.

Чуть позже Баби и Зейде узнают от Хаи о случившемся и хохочут. Только Хая поворачивается ко мне с подозрением в глазах, но ничего не говорит. Впервые я ощущаю победу и смотрю на нее без страха. Это и есть моя сила. Может, я и не умею передвигать предметы силой мысли, как Матильда, но я могу притворяться – и притворяться так убедительно, что никто меня не раскусит.

– Баби, а что такое девственница?

Баби поднимает на меня взгляд от теста для *креплекс*³⁹, которое она вымешивает на чугунной столешнице. Сегодня пасмурно – самое то, чтобы тесто взошло. От плиты поднимается пар, и крапчатые от дождя окна запотевают. Мои испачканные мукой пальцы оставляют следы на стеклянной бутылке оливкового масла – на ее этикетке женщина в искусно задрапированной тунике изгибается над словами *extra virgin*⁴⁰.

– Где ты услышала такое слово? – спрашивает Баби. Я замечаю шок на ее лице и понимаю, что сказала что-то плохое, поэтому отвечаю, заикаясь от тревоги:

– Я не-не знаю, Баби, я не помню... – Я поворачиваю бутылку этикеткой к стене.

– Это слово девочкам знать не положено, – говорит Баби и снова начинает голыми руками разминать нежное тесто из картофельной муки. Ее розовый тюрбан⁴¹ из хлопка съехал набок, так что блестящая брошка из страз, приколотая к его узлу, теперь висит над ее правым ухом, и из-под тюрбана выглядывает седой пушок. Когда я выйду замуж, то буду носить элегантные тюрбаны, красиво повязанные на макушке, и шея моя будет выбрита начисто, хотя Баби жалуется, что шея чешется, когда часто сбрываешь волосы.

Баби обожает рассказывать историю о том, как Зейде попросил ее побрить голову. Это случилось через два года после их свадьбы – он просто пришел однажды домой и заявил:

– Фрайда, я хочу, чтобы ты сбрила все свои волосы.

– Дорогой мой муж, – возмутилась она, – ты, может, тронулся умом или как? Мало тебе того, что я прячу волосы под париком, чего моя мать даже в Европе не делала, так ты еще хочешь, чтобы я совсем их сбрила? В жизни не слышала я о таком *фрумкейте*⁴², о такой религии, которая велит женщинам брить свои головы.

– Но, Фрайда, – взмолился Зейде, – так же ребе⁴³ сказал! Это новое правило. Все мужчины так велели своим женам. Ты хочешь, чтобы я был единственным, чья жена не бреет голову? Ну, неужели ты хочешь навлечь такой позор на нашу семью? Хочешь, чтоб ребе решил, что я не могу убедить жену соблюдать правила?

Баби выразительно вздохнула.

– Ну и что это за ребе такой? Мне он не ребе. Тебе он ребе до войны тоже не был. И теперь у нас вдруг новый ребе? И скажи-ка мне, кто он такой, этот ребе, который велит мне побрить голову, хотя ни разу меня не встречал? Ему не знать женщины скромнее и благочестивее, чем я, пусть даже у меня и есть волосы на голове, – так ему и передай.

Но после нескольких просьб Баби все-таки капитулировала и взялась за бритву.

– Думаешь, так сложно было побрить голову? Совсем не сложно. Я очень быстро к этому привыкла! Честно говоря, так гораздо удобнее, особенно летом, – всегда говорит она.

В конце концов, это мелочь, говорит она. Иногда это звучит так, будто она старается убедить не только меня, но и себя саму.

– Почему ребе решил, что женщины должны брить головы, – всегда спрашиваю я, – если в Европе так никто не делал?

Баби немного раздумывает, прежде чем ответить.

– Зейде говорит, что ребе хочет, чтобы мы были более *эрлих*⁴⁴, более набожными, чем все прочие евреи. Ребе считает, что если мы из всех сил будем стараться радовать Бога, то он никогда больше не пошлет нам таких страданий, как во времена войны. – После этих слов она всегда замолкает, погружаясь в печальные воспоминания.

---

³⁹ Еврейские пельмени треугольной формы с разной начинкой, внешне похожие на вареники.

⁴⁰ Применительно к оливковому маслу эти слова означают, что оно нерафинированное, а вот по отношению к женщине слово *virgin* (англ.) действительно переводится как «девственница».

⁴¹ Головной убор, который пожилые ортодоксальные еврейки носят вместо или поверх парика.

⁴² Благочестие, набожность (*идиш*).

⁴³ Ребе – глава хасидской общины, религиозный авторитет.

⁴⁴ Праведные, порядочные (*идиш*).

Я смотрю на Баби, корпящую над своей нескончаемой работой, и вижу, как она поправляет тюрбан рукой в муке, оставляя белый мазок на лбу. Она вырезает квадратики из раскатанного теста для *креплек* и кладет на каждый из них творог, а затем складывает квадратики пополам, чтобы получились треугольники. Я опускаю *креплек* в кастрюлю с кипящей водой и наблюдаю, как они толкаются друг с другом за место у поверхности. Хотела бы я забрать свой вопрос обратно или хотя бы сказать Баби *гут вурт*⁴⁵, что-нибудь такое, что убедило бы ее, что я хорошая девочка, которая не говорит плохих слов. Но все, на что я способна, – это только вопросы. «Ой-вэй, – вздыхает Баби, когда я начинаю задавать вопросы, – почему тебе всегда надо все знать?» Не знаю почему, но знать мне действительно *надо* – это правда. Мне хочется узнать, что за книгу она прячет у себя на полке с бельем – в дешевом бумажном переплете с фигуристой женщиной на обложке, – но я понимаю, что спрятана она не просто так, что это секрет, который я должна сохранить.

У меня тоже есть секреты. Может, Баби и знает о них, но она молчит о моих тайнах, покуда я молчу о ее. А может, я просто выдумала, что она со мной заодно, – вполне возможно, что это соглашение действует в одностороннем порядке. Выдаст ли меня Баби? Я прячу свои книги под кроватью, она свои – среди нижнего белья, и когда раз в год Зейде осматривает дом перед Песахом⁴⁶, копаясь в наших вещах, мы мечемся в тревоге, опасаясь, что нас раскроют. Зейде даже нижнее белье мое ворошит. И только когда я говорю ему, что это мои личные женские вещи, он отступает, не желая вторгаться на женскую территорию, и переходит к бабушкиному шкафу. Как и я, она ершится, когда он роется у нее в белье. Мы обе знаем, что наши скромные заначки с мирской литературой шокируют дедушку сильнее, чем какой-нибудь *хамец*⁴⁷ – запрещенная выпечка на дрожжах. Баби, вероятно, отделается выговором, а вот на меня обрушится вся мощь дедушкиного гнева. Когда Зейде сердится, кажется, будто его длинная белая борода вздымается вокруг его лица, как свирепое пламя. От жара его гнева я моментально чахну.

– *Дер тумене шпрах!*⁴⁸ – гремит он, когда слышит, что я общаюсь с двоюродными сестрами на английском. Нечестивый язык, говорит Зейде, он словно яд для души. Чтение книг на английском и того хуже – оно гостеприимно распахивает дьяволу мою душу.

Сегодня я сама не своя, потому и сболтнула лишнего. У меня под кроватью появилось кое-что новенькое, и вскоре (когда Баби больше не нужна будет моя помощь с *креплек*) я плотно закрою дверь в свою комнату и достану его – чудесный томик в кожаном переплете – и вдохну дурманивший аромат свежей книги. Это один из трактатов Талмуда⁴⁹ с запрещенным английским переводом и длиною в тысячи страниц, что обещает мне несколько недель захватывающего чтения. Мне не верится, что я наконец-то смогу расшифровать древний язык Талмуда, созданный специально, чтобы отвадить неучей вроде меня. Зейде не разрешает мне читать еврейские книги, запертые у него в шкафу: это только для мужчин, говорит он, а девочкам место на кухне. Но мне интересно, о чем его штудии и что же написано в книгах, за которыми он проводит столько часов, трепеща в ученом экстазе. Капли изрядно разбавленной мудрости, которыми делятся мои учителя в школе, только подогревают мое любопытство. Я хочу узнать

⁴⁵ Доброе слово (*идиши*).

⁴⁶ Песах – весенний праздник в память об освобождении еврейского народа из египетского рабства. Перед Песахом есть обычай тщательно убирать дом, чтобы не пропустить случайно крошки мучного (приготовленного на дрожжах или закваске). Поэтому в этом эпизоде дедушка проверяет все в доме.

⁴⁷ Квасное (*др.-евр.*). В дни Песаха евреям запрещено есть и вообще иметь в доме мучные блюда, приготовленные на дрожжах или закваске. В Торе этот запрет объясняется тем, что в момент Исхода из Египта у евреев не было времени ждать, пока поднимется тесто, поэтому хлеб (мацу) пекли из невзошедшего.

⁴⁸ Нечестивый, скверный язык (*идиши*).

⁴⁹ Талмуд – главный текст иудаизма после Танаха (Библии). Написан на арамейском.

правду о Рахили, жене рабби Акивы⁵⁰, которая прожила в нищете двенадцать лет, пока ее муж изучал Тору где-то в чужих краях. Как могла избалованная дочь богача согласиться обречь себя на такое жалкое существование? Учительницы говорят, что она святая, но наверняка все куда сложнее. Зачем она вообще вышла замуж за такого бедного, невежественного человека, как Акива? Уж точно не потому, что он был красавчиком – иначе она не дала бы добро на его поездку длиной в двенадцать лет. Дело в чем-то другом, и, если никто не желает мне об этом рассказать, я сама все разузнаю.

Я купила Талмуд в переводе Шоттенштайна на прошлой неделе в магазине иудаики в Боро-Парке. В магазинчике никого не было, а подсвечивали его только вялые лучи солнца, сочившиеся сквозь мутные окна. Серебристые пылинки, казалось, висели в лучах света, медленно поднимаясь, когда до них долетало слабое дуновение кондиционера. Укрывшись в тени нависающих книжных полок, я пробормотала продавцу, что книгу меня попросили купить для двоюродной сестры. Я переживала, не слишком ли заметно нервничаю – моя ложь уж точно была написана на лбу, как всегда предупреждал меня Зейде. «*Дер эмес итейт ойф ди иштерн*»⁵¹, – говорит он. «Как бы убедительно ты ни лгала, твой лоб тебя выдаст». Представляю, как слова проступают сквозь мою кожу и светятся, словно неон в темноте, когда внезапный ветерок сдувает вверх мою жидкую темную челку.

---

⁵⁰ Рабби Акива – еврейский духовный лидер I–II вв., законоучитель, один из основоположников раввинистического иудаизма. Принял мученическую смерть от римлян.

⁵¹ Правда написана на лбу (*идиши*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.